

О. ГЕНРИ

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

*50 лучших рассказов
с иллюстрациями
Михаила Бычкова*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
О 11

Перевод с английского
Мери Беккер, Ларисы Беспаловой, Александра Горлина,
Ирины Гуровой, Нины Дарузес, Нины Дехтеревой,
Евгении Калашниковой, Марии Лорие, Татьяны Озерской,
Елены Петровой, Андрея Степанова, Елены Суриц, Михаила Урнова,
Ольги Холмской, Корнея Чуковского

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации Михаила Бычкова

© М. А. Бычков, иллюстрации, послесловие,
2018, 2023
© М. И. Беккер (наследник), перевод, 2023
© Л. Г. Беспалова, перевод, 2005
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2023
© Н. Л. Дарузес (наследники), перевод,
2023
© Н. А. Дехтерева (наследники), перевод,
2023
© Е. Д. Калашникова (наследник),
перевод, 2023

ISBN 978-5-389-22204-5

© М. Ф. Лорие (наследник), перевод, 2023
© Т. А. Озерская (наследник), перевод, 2023
© Е. С. Петрова, перевод, 2023
© А. Д. Степанов, перевод, 2022
© Е. Суриц (наследник), перевод, 2023
© М. В. Урнов (наследник), перевод, 2023
© О. П. Холмская (наследник), перевод, 2023
© К. И. Чуковский (наследник), статья,
перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ЖИЗНЬ О. ГЕНРИ¹

Лет десять назад, в Петербурге, я встретился с одним американцем. Разговор не клеился, гости собрались уходить, но случайно я упомянул имя О. Генри. Американец заулыбался, пригласил меня к себе и, знакомя со своими друзьями, каждому из них говорил:

— Вот человек, который любит О. Генри.

И те начали улыбаться мне дружески. Это имя было талисманом. Одна русская дама спросила хозяина: «Кто этот О. Генри? Ваш родственник?» Все засмеялись, но, в сущности, дама была права: О. Генри и вправду для каждого американца — родственник. Других писателей любят иначе, прохладнее, а к этому у них отношение домашнее. Называя его имя, улыбаются. Его биограф, профессор Альфонзо Смит, говорит, что О. Генри привлек к себе и консерваторов, и крайних радикалов, и служанок, и светских барынь, и книжников, и деловых людей. Нет сомнения, что через несколько лет он и у нас в России будет одним из самых любимых писателей.

Подлинное имя О. Генри было Вильям Сидни Портер. Этого долго не знали даже его почитатели. Он был скрытен и не любил популярности. Кто-то написал ему письмо: «Ответьте, пожалуйста, мужчина вы или женщина». Но письмо осталось без ответа.

¹ Статья печатается по изданию: *Чуковский К.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. М.: Агентство ФТМ, лтд., 2012.

Напрасно издатели газет и журналов просили у него разрешения напечатать его портрет. Он отказывал всем наотрез, говоря: «Для чего же я и выдумал себе псевдоним, как не для того, чтобы спрятаться». Никогда никому не рассказывал он своей биографии — даже ближайшим друзьям. Репортеры не имели к нему доступа и принуждены были выдумывать о нем небылицы.

Он никогда не бывал ни в светских, ни в литературных салонах и предпочитал бродить из трактира в трактир, заговаривая с первыми встречными, не знавшими, что он знаменитый писатель. Чтобы сохранить свое инкогнито, он усвоил себе простонародную речь и, если хотел, производил впечатление неграмотного. Любил выпить. Лучше всего чувствовал себя в компании рабочих: с ними он и пел, и пил, и танцевал, и насвистывал, так что те принимали его за фабричного и спрашивали, на каком заводе он работает. Писателем он сделался поздно, славу узнал только на сорок пятом году жизни. Доброты он был необычайной, раздавал все, что имел, и, сколько бы ни зарабатывал, постоянно нуждался. По своему отношению к деньгам он был похож на нашего Глеба Успенского: ни копить их, ни считать не умел. Однажды в Нью-Йорке он стоял на улице и разговаривал со своим знакомым. К нему подошел нищий. Он вынул из кармана монету и сердито сунул в руку нищему: «Уходите, не мешайте, вот вам доллар». Нищий ушел, но через минуту вернулся: «Мистер, вы были так добры ко мне, я не хочу вас обманывать, это не доллар, это двадцать долларов, возьмите назад, вы ошиблись». О. Генри притворился сердитым: «Ступайте, ступайте, я же вам сказал, чтобы вы не приставали ко мне!»

В ресторане он давал лакею на чай вдвое больше, чем стоил обед. Его жена сокрушалась: стоило любому попрошайке прийти к нему и налгать о своих злоключениях, и О. Генри отдавал всё до последнего цента, отдавал брюки, пиджак, а потом провожал до дверей, упрашивая: «Приходите опять». И те приходили опять.

Сверхъестественно наблюдательный, он позволял себе быть по-детски наивным, когда дело касалось нуждающегося.

Был он человек неразговорчивый, от людей держался в отдалении и многим казался суровым. По наружности он был похож на

средней руки актера: полный, бритый, невысокого роста, глаза узкие, движения спокойные.

Он родился на юге, в сонном городишке Гринзборо, в штате Северная Каролина 11 сентября 1862 года. Его отец был доктор — рассеянный, добрый, маленький, смешной человек с длинной седой бородой. Доктор увлекался изобретением всевозможных машин, из которых ничего не выходило; вечно возился в сарае с каким-нибудь нелепым снарядом, сулившим ему Эдисонову славу.

Мать Вилли Портера, образованная, веселая женщина, умерла от чахотки через три года после рождения сына. Мальчик учился у тетки, тетка была старая дева, поколачивавшая своих учеников, которые, кажется, стоили розги. Вилли Портер был такой же сорванец, как и прочие. Любимой его забавой было играть в краснокожих. Для этого он выдергивал перья из хвоста у живых индюков, украшал этими перьями голову и с диким визгом мчался за бизонами. Роль бизонов выполняли соседские свиньи. Мальчик с толпою товарищей преследовал несчастных животных, стреляя в них из самодельного лука. Хавроньи визжали, как будто их режут, стрелы глубоко вонзались им в тело, и горе было мальчишкам, если владельцы свиней узнавали об этой охоте.

Другой забавой Вилли Портера было ломать те снаряды, которые изобретал его отец. Старик положительно помешался на этих снарядах: он изобретал и *перпетуум мобиле*, и паровой автомобиль, и аэроплан, и аппарат для механической стирки белья, — забросил практику и почти не выходил из сарая.

Однажды Вилли убежал с товарищем из дому, чтобы поступить на китобойное судно (ему тогда было лет десять), но денег у него не хватило, и он должен был вернуться домой зайцем — чуть ли не на крыше вагона.

У Вилли был дядя, провизор, владелец аптекарского магазина. Пятнадцатилетним подростком Вилли поступил к нему на службу и скоро научился изготовлять порошки и пилюли. Но главное, он научился рисовать. Каждую свободную минуту он рисовал карикатуры на своего дядю и его покупателей. Карикатуры были злы и хороши. Все пророчили Вилли славу художника. Аптекарский

магазин в захолустье — это не столько магазин, сколько и клуб. Все приходят туда со своими болезнями, вопросами, жалобами. Лучшей школы для будущего беллетриста нельзя и придумать.

Читал Вилли запоем — «Красноглазого пирата», «Лесного дьявола», «Грозу Ямайки», «Джека-потрошителя», — читал и кашлял, потому что с восемнадцати лет ему стала грозить чахотка. Поэтому он очень обрадовался, когда один из завсегдатаев дядино клуба, доктор Холл, предложил ему поехать на некоторое время в Техас для поправления здоровья. У доктора Холла в Техасе жили три сына — великаны, молодцы, силачи. Один из сыновей был судьей — знаменитый Ли Холл, которого боялась вся округа; вооруженный с головы до ног, он рыскал день и ночь по дорогам, выслеживая конокрадов и разбойников, которыми тогда кишел Техас. В марте 1882 года Вилли Портер приехал к нему и сделался у него на ферме ковбоем. Он был полуслуга-полугость: работал как слуга, но был в дружеских отношениях с хозяевами. Шутя научился управляться со стадом, бросать лассо, стричь и купать овец, ходить за лошадьми, стрелять, не сходя с седла. Научился готовить обед и часто стряпал, заменяя кухарку. Дикая жизнь Техаса была изучена им до мелочей, и впоследствии он великолепно использовал это знание в книге «Сердце Запада». Он научился говорить по-испански — не только на том испорченном испанском жаргоне, на котором говорят в Техасе, но на подлинном кастильском наречии.

Тогда же он начал пописывать, но беспощадно уничтожал свои рукописи. Что он писал — неизвестно. Из всех книг он с наибольшим интересом читал в ту пору не романы и повести, а толковый английский словарь вроде нашего Даля — лучшее чтение для молодого писателя.

На ферме он пробыл два года. Оттуда уехал в Остин, столицу Техаса, и прожил там одиннадцать лет. Каких только профессий не перепробовал он за эти одиннадцать лет! Был и конторщиком на складе табачных изделий, и бухгалтером в конторе по продаже домов, был и певцом во всевозможных церквях, и кассиром в банке, и чертежником у землемера, и актером в небольшом театри-

ЖИЗНЬ О. ГЕНРИ

ке, — нигде не выказывал ни особых талантов, ни особого пристрастия к делу, но, сам того не замечая, скопил огромный материал для будущей литературной работы. Литературы тогда он как будто нарочно избегал, предпочитая ей мелкие, незаметные должности. Никакого честолюбия он не имел и всегда любил оставаться в тени.

В 1887 году он женился на молоденькой девушке, которую тайно увез от родителей, и вскоре стал писать для газет и журналов. Но писания его были мелкие — обычный газетный хлам. В 1894 году он сделался редактором местной юмористической газетки «Катящийся камень», для которой поставлял рисунки, статейки, стишки, решительно ничем не замечательные. Газетка скоро зачахла.

В 1895 году он переехал в другой городок — Гаустон, где редактировал «Ежедневную почту», и все шло хорошо, он выбивался на литературную дорогу, — вдруг над ним разразилась гроза.

* * *

Из Остина пришла судебная повестка. Вильяма Портера вызывали в суд по обвинению в присвоении денег. Судебное следствие установило, что, когда он был кассиром Первого национального банка, он в разное время присвоил себе больше тысячи долларов.

Все знавшие его считали это обвинение судебной ошибкой. Были уверены, что, представ перед судом, он в полчаса докажет свою невиновность. Велико было изумление всех, когда оказалось, что обвиняемый скрылся. Не доезжая до города Остина, он пересел в другой поезд и ночью умчался на юг, в Новый Орлеан, оставив в Остине дочь и жену.

Почему он убежал, мы не знаем. Его биограф утверждает, что он был невиновен, а убежал потому, что хотел уберечь доброе имя жены. Если так, то ему, напротив, надлежало остаться и доказать на суде, что он прав. Жене не пришлось бы вынести столько позора и горя. Очевидно, у него были причины бояться суда. Биограф рассказывает, что во всем была виновата администрация банка: от-

четность велась халатно, заправились сами брали из кассы то двести, то триста долларов, не заносая этого в конторские книги. В книгах был чудовищный хаос; кассир, который до Портера служил в этом банке, так запутался, что хотел застрелиться. Немудрено, что и Портер запутался. Кто знает: может быть, пользуясь доступностью денег, он сам раза два или три позаимствовал из кассы сотню-другую долларов с искренней уверенностью, что положит эти доллары в ближайшие дни обратно. Биограф уверяет, что он был абсолютно невинен, но зачем же он тогда бежал?

Из Нового Орлеана он пробрался на грузовом пароходе в Гондурас и, выйдя на пристань, почувствовал себя в безопасности. Вскоре он увидел, что к пристани подходит другой пароход и оттуда стрелой выбегает какой-то очень странный мужчина в изодранном фраке и помятом цилиндре. Одежда бальная, для корабля непригодная. Видно было, что мужчина угодил на пароход второпях, не успев переодеться, прямо из театра или с бала.

— Что заставило вас так поспешно уехать? — спросил у него убежавший кассир.

— То же, что и вас, — ответил тот.

Оказалось, что господин во фраке — Ал. Дженнингс, знаменитый преступник, глава шайки поездных воров, которые своими дерзкими кражами терроризовали весь Юго-Запад. Полиция выследила его, он вынужден был так быстро бежать из Техаса, что ему даже не удалось переодеться. Вместе с ним был его брат, тоже вор, тоже в цилиндре и во фраке. Вильям Портер примкнул к беглецам, и они втроем стали кружить по Южной Америке. Вот когда ему пригодилось знание испанского языка. Деньги у них вышли; беглецы падали с ног от голода. Дженнингс предложил ограбить Немецкий банк, дело верное, добыча поровну.

— Хотите работать с нами? — спросил он у Вильяма Портера.

— Нет, не очень, — ответил тот печально и вежливо.

Эти вынужденные скитания по Южной Америке пригодились Портеру впоследствии. Если бы он не бежал от суда, у нас не было бы романа «Короли и капуста», где сказалось близкое знакомство с «бананными республиками» Латинской Америки.

* * *

В это время его жена сидела в городе Остине без денег, с маленькой дочкой, больная. Он звал ее к себе, в Республику Гондурас, но она была очень больна и не могла пускаться в такую дорогу. Она вышила какой-то платочек, продала его и, купив на первые же вырученные деньги для беглого мужа флакончик духов, послала ему в изгнание. Он и не подозревал, что она тяжело больна. Но когда ему сообщили об этом, он решил отдать себя в руки судебных властей, пойти в тюрьму, лишь бы повидаться с женой. Так он и сделал. В феврале 1898 года он вернулся в Остин. Его судили, признали виновным — причем на суде он молчал, не сказал ни звука в свое оправдание — и приговорили к пятилетнему заключению в тюрьме. То, что он находился в бегах, только усугубляло вину. Его заключили под стражу и послали в штат Огайо, в город Коломбос, в исправительную каторжную тюрьму. Порядки в этой тюрьме были страшные. В одном из своих писем Вильям Портер писал:

«Я никогда не думал, что человеческая жизнь — такая дешевая вещь. На людей смотрят как на животных без души и без чувств. Рабочий день здесь тридцать часов, и кто не выполнит урока, того бьют. Вынести работу может только силач, для большинства же это верная смерть. Если человек свалился и не может работать, его уносят в погреб и направляют в него такую сильную струю воды, что он теряет сознание. Тогда доктор приводит его в чувство, и несчастного подвешивают за руки к потолку, он висит на этой дыбе часа два. Его ноги почти не касаются земли. После этого его снова гонят на работу и, если он падает, его кладут на носилки и несут в лазарет, где он волен или умереть, или выздороветь. Чахотка здесь обычная вещь — все равно что насморк у вас. Дважды в день больные являются в госпиталь — от двухсот до трехсот человек. Они выстраиваются в очередь и проходят мимо доктора, не останавливаясь. Он прописывает лекарство — на ходу, на бегу — одному за другим, и та же очередь продвигается к тюремной аптеке. Там таким же манером, не останавливаясь — на ходу, на бегу, — больные получают лекарство.

Я пробовал примириться с тюрьмой, но нет, не могу. Что привязывает меня к этой жизни? Я способен вынести какие угодно страдания на воле, но эту жизнь я больше не желаю владеть. Чем скорее я ее кончу, тем будет лучше и для меня, и для всех».

* * *

То был, кажется, единственный случай, когда этот сильный и скрытный человек выразил вслух свои чувства, пожаловался на свою боль.

Когда в тюрьме спросили, чем он занимался на воле, он ответил, что был репортером. В репортерах тюрьма не нуждалась. Но потом он спохватился и прибавил, что, кроме того, он фармацевт. Это спасло его; его поместили при госпитале, и скоро он обнаружил такие таланты, что и доктора, и больные стали относиться к нему с уважением. Работал он все ночи напролет, приготавливая лекарства, посещая больных, помогая тюремным врачам, и это дало ему возможность познакомиться почти со всеми арестантами и собрать огромный материал для своих будущих книг. Многие преступники рассказывали ему свою биографию.

Вообще, жизнь как будто специально заботилась, чтобы приготовить из него беллетриста. Если бы он не был в тюрьме, он не написал бы одной из своих лучших книг — «Благородный жулик» («The Gentle Grafter»).

Но не дешево досталось ему его знание жизни. В тюрьме его особенно мучили не свои, а чужие мучения. С омерзением описывает он жестокий режим американской тюрьмы:

«Самоубийства у нас такая же заурядная вещь, как у вас пикники. Почти каждую ночь нас с доктором вызывают в какую-нибудь камеру, где тот или иной арестант попытался покончить с собой. Этот перерезал себе горло, этот повесился, тот отравился газом. Они хорошо обдумывают такие предприятия и потому почти не терпят неудачи. Вчера один атлет, специалист по боксу, внезапно сошел с ума; конечно, послали за нами, за доктором и за мною. Атлет был так хорошо тренирован, что потребовалось восемь человек, чтобы связать его».

Эти ужасы, которые он наблюдал изо дня в день, мучительно волновали его. Но он крепился, не жаловался и порою умудрялся посылать из тюрьмы веселые и легкомысленные письма. Эти письма были предназначены для его маленькой дочери, которая не должна была знать, что ее папа — в тюрьме. Поэтому он принимал все меры, чтобы его письма к ней не носили мрачного характера.

«Алло, Маргарет! — писал он. — Помнишь ли ты меня? Я Мурзилка, и меня зовут Алдибиронтифостифорникофокос. Если ты увидишь на небе звезду и, прежде чем она закатится, успеешь повторить мое имя семнадцать раз, ты найдешь колечко с алмазом в первом же следке голубой коровы. Корова будет шагать по снегу — после метели, — а кругом зацветут пунцовые розы на помидорных кустах. Ну, прощай, мне пора уезжать. Я езжу верхом на кузнечике».

Но как он ни старался казаться беззаботным, в этих письмах часто проскальзывали тоска и тревога.

В тюрьме он неожиданно встретился со своим старым знакомым, железнодорожным грабителем Ал. Дженнингсом. Здесь они еще ближе сошлись, и Дженнингс под влиянием Портера сделался другим человеком. Он забросил свою профессию и тоже пошел по литературной дороге. Недавно он обнародовал свои тюремные воспоминания об О. Генри, целую книгу, где описал весьма проникновенно, какие нравственные муки испытывал О. Генри в тюрьме. О тюремных порядках Ал. Дженнингс вспоминает с яростью. Вся критика единодушно признала, что этот вор — превосходный писатель, что его книга не только любопытный человеческий документ, но и отличное произведение искусства. Между прочим, Ал. Дженнингс рассказывает, что в тюрьме был замечательный взломщик несгораемых касс, художник своего дела, который так гениально вскрывал любую запертую железную кассу, что казался чудотворцем, волшебником, неземным существом. Этот великий художник томился в тюрьме — таял как свеча, тоскуя по своему любимому делу. И вдруг к нему пришли и сказали, что где-то в каком-то банке есть касса, которую не в состоянии открыть даже судебные власти. Ее нужно открыть, ключей нет, и прокурор решил вызвать из тюрьмы гениального арестанта, чтобы тот оказал по-

мощь судебным властям. И ему обещали свободу, если он откроет эту кассу. Можно себе представить, как вдохновенно и страстно накинулся на кассу талантливый взломщик, с каким упоением сокрушал он ее железные стены, но едва только он открыл ее, неблагодарные власти забыли о своем обещании и погнали его обратно в тюрьму. Несчастный не вынес этого издевательства, окончательно свалился и зачах.

Портер впоследствии изобразил этот эпизод в своем знаменитом рассказе «A Retrieved Reformation»¹, но, как известно, изменил конец. Тюремные власти в рассказе добрее, чем они были на деле.

* * *

24 июля 1901 года Вильям Портер вышел из тюрьмы.

Его освободили раньше срока, за *хорошее поведение* в тюрьме. Хорошее поведение главным образом заключалось в том, что, будучи тюремным аптекарем, он не воровал казенного спирта — добродетель, небывалая в летописи тюремных аптек.

Выйдя из тюрьмы, он, впервые в жизни, серьезно принялся за писательство. Уже в тюрьме он набросал кое-что, а теперь взялся за работу вплотную. Раньше всего он присвоил себе псевдоним О. Генри (имя французского фармацевта Анри), под которым наглухо укрылся от всех. Он избегал встречи с прежними своими знакомыми, никто и не догадывался, что под псевдонимом О. Генри скрывается бывший каторжник. Весною 1902 года он впервые приехал в Нью-Йорк. Ему шел сорок первый год. До сих пор он жил только в провинции на юге, в сонных и наивных городишках, и столица очаровала его. Дни и ночи бродил он по улицам, ненасытно впитывая в себя жизнь великого города. Он влюбился в Нью-Йорк, стал поэтом Нью-Йорка, изучил в нем каждый уголок. И миллионеры, и художники, и лавочники, и рабочие, и городовые, и кокотки — всех он узнал, изучил и занес к себе на страни-

¹ В настоящем сборнике название рассказа переводится как «Превращение Джимми Валентайна».

цы. Литературная его производительность была колоссальна. В год он писал около полусотни рассказов — лаконических, четких, до предела насыщенных образами. Его рассказы из недели в неделю появлялись в газете «World» и были встречены с большим энтузиазмом. В Америке не было еще писателя, который довел бы до такого совершенства технику короткого рассказа. Каждый рассказ О. Генри — 300–400 строк, и в каждом — огромная, сложная повесть, множество великолепно очерченных лиц и почти всегда оригинальный, затейливый, замысловатый сюжет. Критики стали называть его «американским Кипплингом», «американским Мопассаном», «американским Гоголем», «американским Чеховым». Слава его росла с каждым рассказом. В 1904 году он собрал свои рассказы, изображающие Южную Америку, в один томик, связал их на скорую руку забавным сюжетом — и напечатал под видом романа «Короли и капуста». Это была его первая книга. В ней много водевильного, нарочито подстроенного, но в ней есть и южные горы, и южное солнце, и южное море, и подлинная беззаботность пляшущего, поющего Юга. Книга имела успех. В 1906 году появилась вторая книга О. Генри — «Четыре миллиона», вся посвященная его любимому Нью-Йорку. Книга открывается замечательным предисловием, которое стало теперь знаменитым. Дело в том, что в Нью-Йорке есть своя аристократия — денежная, — живущая очень замкнутой жизнью. Проникнуть в ее круг простому смертному почти невозможно. Она малочисленна — не больше четырехсот человек, и все газеты пресмыкаются перед нею. Это не понравилось О. Генри, и он написал:

«Недавно кто-то вздумал утверждать, будто в городе Нью-Йорке имеется всего четыреста человек, достойных внимания. Но потом явился другой, поумнее, — составитель переписи — и доказал, что таких людей не четыреста, а значительно больше: четыре миллиона. Нам кажется, что он прав, и потому мы предпочитаем называть наши рассказы „Четыре миллиона“».

В Нью-Йорке было тогда четыре миллиона жителей, и все эти четыре миллиона показались О. Генри одинаково достойными внимания. Он поэт четырех миллионов, то есть всей американской демократии. После этой книги О. Генри стал знаменит на всю Аме-

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

рику. В 1907 году он напечатал две книги рассказов: «Приправленная лампа» и «Сердце Запада»; в 1908 году тоже две — «Голос города» и «Благородный жулик»; в 1909 году опять-таки две — «Дороги Рока» и «Привилегии»; в 1910 году снова две — «Исключительно по делу» и «Водовороты». Писание коротких рассказов не удовлетворяло его, он замыслил большой роман. Он говорил: «Все, что я писал до сих пор, — это просто баловство, проба пера по сравнению с тем, что я напишу через год». Но через год ему не довелось ничего написать: он переутомился, стал страдать бессонницей, уехал на юг, не поправился и вернулся в Нью-Йорк совершенно разбитый. Его отвезли в поликлинику на Тридцать четвертую улицу. Он знал, что едет умирать, и с улыбкой говорил об этом. В клинике он шутил, лежал в полном сознании — ясный и радостный. Утром в воскресенье он сказал: «Зажгите огонь, я не намерен умирать в темноте» — и через минуту скончался — 5 июня 1910 года.

Корней Чуковский

**ДОРОГИ,
КОТОРЫЕ
МЫ
ВЫБИРАЕМ**

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

В двадцати милях к западу от Таксона «Вечерний экспресс» остановился у водокачки набрать воды. Кроме воды, паровоз этого знаменитого экспресса захватил и еще кое-что, не столь для него полезное.

В то время как кочегар отцеплял шланг, Боб Тидбол, Акула Додсон и индеец-метис из племени криков по прозвищу Джон Большая Собака влезли на паровоз и показали машинисту три круглых отверстия своих карманных артиллерийских орудий. Это произвело на машиниста такое сильное впечатление, что он мгновенно вскинул обе руки вверх, как это делают при восклицании: «Да что вы! Быть не может!» По короткой команде Акулы Додсона, который был начальником атакующего отряда, машинист сошел на рельсы и отцепил паровоз и тендер. После этого Джон Большая Собака, забравшись на груды угля, шутки ради направил на машиниста и кочегара два револьвера и предложил им отвести паровоз на пятьдесят ярдов от состава и ожидать дальнейших распоряжений.

Акула Додсон и Боб Тидбол не стали пропускать сквозь грохот такую бедную золотом породу, как пассажиры, а направились напрямик к богатым россыпям почтового вагона. Проводника они застали врасплох — он был в полной уверенности, что «Вечерний экспресс» не набирает ничего вреднее и опаснее чистой воды. Пока Боб Тидбол выбивал это пагубное заблуждение из его головы ручкой шестизарядного кольта, Акула Додсон, не теряя времени, закладывал динамитный патрон под сейф почтового вагона.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Чуковский. Жизнь О. Генри</i>	5
---	---

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

<i>Дороги, которые мы выбираем. Перевод Н. Дарузес</i>	19
<i>Дары волхвов. Перевод Е. Калашниковой</i>	25
<i>Вождь Краснокожих. Перевод Н. Дарузес</i>	33
<i>Персики. Перевод Е. Калашниковой</i>	46
<i>Родственные души. Перевод Т. Озерской</i>	54
<i>Русские соболя. Перевод Т. Озерской</i>	61
<i>Сердце и крест. Перевод М. Урнова</i>	70
<i>Фараон и хорал. Перевод А. Горлина</i>	84
<i>Пимиентские блинчики. Перевод М. Урнова</i>	92
<i>Квадратура круга. Перевод Н. Дарузес</i>	104
<i>Золото и любовь. Перевод Н. Дарузес</i>	110
<i>Последний лист. Перевод Н. Дарузес</i>	119
<i>Гнусный обманщик. Перевод под ред. М. Лорие</i>	127
<i>Санаторий на ранчо. Перевод Т. Озерской</i>	139
<i>Превращение Джимми Валентайна. Перевод Н. Дарузес</i>	156
<i>Третий ингредиент. Перевод М. Лорие</i>	166
<i>Справочник Гименя. Перевод М. Урнова</i>	180
<i>Роман биржевого маклера. Перевод под ред. М. Лорие</i>	194
<i>Бабье лето Джонсона Сухого Лога. Перевод О. Холмской</i>	199
<i>Погребок и роза. Перевод Н. Дехтеревой</i>	210
<i>Недолгий триумф Тильди. Перевод под ред. М. Лорие</i>	217
<i>Волшебный профиль. Перевод Н. Дарузес</i>	225

СОДЕРЖАНИЕ

Пока ждет автомобиль. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	234
Друзья из Сан-Розарио. <i>Перевод Е. Калашниковой</i>	240
Яблоко сфинкса. <i>Перевод М. Урнова</i>	257
Маятник. <i>Перевод М. Лорие</i>	275
Пурпурный наряд. <i>Перевод Е. Петровой</i>	281
Предвестник весны. <i>Перевод М. Лорие</i>	289
Зеленая дверь. <i>Перевод Н. Дехтеревой</i>	296
Возрождение Каллиопы. <i>Перевод И. Гуровой</i>	306
Случай из ведомственной практики. <i>Перевод Е. Петровой</i>	317
Рождественский чулок Дика Свистуна. <i>Перевод Е. Суриц</i>	332
Сувенир. <i>Перевод Л. Беспаловой</i>	349
Особая статья. <i>Перевод Е. Петровой</i>	360

БЛАГОРОДНЫЕ ЖУЛИКИ ДЖЕФФ ПИТЕРС И ЭНДИ ТАККЕР

Купидон порционно. <i>Перевод М. Лорие</i>	375
Младенцы в джунглях. <i>Перевод Е. Калашниковой</i>	394
Атавизм Джон-Тома по прозвищу Малый Медведь <i>Перевод А. Степанова</i>	402
Поросычья этика. <i>Перевод К. Чуковского</i>	418
Летний маскарад. <i>Перевод М. Беккер</i>	430
Трест, который лопнул. <i>Перевод К. Чуковского</i>	438
Стриженный волк. <i>Перевод К. Чуковского</i>	447
Джефф Питерс как персональный магнит <i>Перевод К. Чуковского</i>	455
Простак с Бродвея. <i>Перевод М. Беккер</i>	464
Развлечения современной деревни. <i>Перевод К. Чуковского</i>	472
Кафедра филантроматематики. <i>Перевод К. Чуковского</i>	482
Совесь в искусстве. <i>Перевод К. Чуковского</i>	492
Рука, которая терзает весь мир. <i>Перевод К. Чуковского</i>	499
Стихший ветер. <i>Перевод М. Беккер</i>	507
Супружество как точная наука. <i>Перевод К. Чуковского</i>	528
Кто выше? <i>Перевод К. Чуковского</i>	537
<i>М. Бычков.</i> Послесловие художника	554

О. Генри

О 11 Дороги, которые мы выбираем : 50 лучших рассказов с иллюстрациями Михаила Бычкова / О. Генри ; пер. с англ. М. Беккер, Л. Беспаловой, А. Горлина и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 560 с. : ил.

ISBN 978-5-389-22204-5

Знаменитый американский писатель О. Генри (Уильям Сидни Портер) — автор популярных коротких рассказов, мастер оригинальных поворотов сюжета, колоритных диалогов и ошеломляющих развязок. Творческое наследие писателя составляют около трехсот новелл, представляющих собой нечто вроде юмористической энциклопедии американской жизни начала XX века. Впрочем, зарисовки О. Генри как нельзя лучше отвечают и тому, что мы наблюдаем в современной жизни. Необыкновенно занимательные и остроумные, рассказы О. Генри по-прежнему живая классика...

Настоящий том станет замечательным подарком всем поклонникам творчества писателя. Пятьдесят лучших рассказов О. Генри (включая все истории о приключениях двух благородных жуликов — Джеффа Питерса и Энди Таккера) с красочными, живыми иллюстрациями современного классика книжной графики Михаила Бычкова!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

О. ГЕНРИ

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

*50 лучших рассказов
с иллюстрациями Михаила Бычкова*

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.05.2023. Формат издания 72 × 100¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

У-ВНК-31166-01-R